

Приведенный материал позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, представители советской власти при создании колхозов были вынуждены не только кардинально менять существовавшую систему социальных отношений, но и в некоторой степени приспосабливать идею создания колхозов к господствовавшим формам местной социальной солидарности. Во-вторых, несмотря на все попытки советской власти искоренить внутреннюю устоявшуюся иерархию социальных отношений, она фактически продолжала существовать, проявляясь на уровне персональных конфликтов отдельных жителей сел с руководством колхоза и сельсовета.

Библиография

Климин И.И. Российское крестьянство в годы новой экономической политики (1921–1927 гг.). СПб., 2007. Ч. I.

Климин И.И. Российское крестьянство в период сплошной коллективизации сельского хозяйства (1930–1932 гг.). СПб., 2011.

Куправа А.Э. Абхазская деревня на пути социализма, Сухуми, 1977.

Куправа А.Э. Вопросы традиционной культуры абхазов. Сухум, 2008.

М.Д. Каракетов

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ ОБЩЕСТВ КАРАЧАЯ И БАЛКАРИИ

В настоящем сообщении будут затронуты страты, часть которых была исследована рядом авторов [Азаматов 1968; Битова 1997; Каракетов 2005: 145–171; 2009: 142–154; Лавров 1969: 55–120; Невская 2002: 130–484; Студенецкая 1937: 45–72; Тамбиев 1931: 84–99; 1932: 85–103; Хатуев 1999: 5–198]. Между тем некоторые из них так и остались неизученными.

Карачаево-балкарское общество в прошлом делилось на три основных сословия — княжеское (*бий / таубий*), дворянское (*эзден*) и крестьянское (*кьул*). Каждое из сословий подразделялось на степени, разряды и виды в зависимости от знатности и отбываемых повинностей. В докладе будут приведены известные и ранее не выявленные архивные материалы.

Княжеское сословие — бий. «Управление внешними и внутренними делами Карачая находилось в руках сословия бий, из которого выбирался <...> Валий [Верховный князь]» [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 70, д. 36, 38–41, 44].

Сословие «бий по своему значению и принадлежащим ему правам равносильно кабардинскому сословию *пше* (т.е. Княжескому), Султанским фамилиям и Ногайским мурзам» [Там же].

Бии «называли себя ак-сюеки (белая кость), имели своих узденей, чагар и холопов» [Там же] и, согласно архивным материалам, «в брачные союзы <...> вступали или между собой, или с фамилиями Султанов, Бесленеевских князей, Сванетских князей, Ногайских мурз и с знатными лицами других горских племен» [Там же]. До 1850–1860-х годов бии также «женились и на дочерях Кабардинских пше, и Сванетских Дадашкелиани, и Ногайских мурз, и Абазинских, и Абхазских Маршани» [Там же: д. 71, л. 102–119 об.].

О сословии чанков в Карачае и Балкарии в 1807–1808 гг. сообщает академик Г.-Ю. Клапрот [Адыги... 1974: 248]. Их достоинство подкреплялось принадлежностью к привилегированной части населения *аксюек* (белая кость). «Сословие Чанка состоит из Биев, потерявших состояние и вместе с тем и значение» [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 102–119 об.]. Правда, им, как и биям, несли даннические повинности дворяне, в их владении были крепостные крестьяне, отчинные и благоприобретенные земли. Основная их часть как, например, чанки Чипчиковы и Темирболатовы, владели селениями.

Тума, тума-чанка или эсекку-эльтудла были известны в Карачае. «Если князь [бий или чанка] или дворянин [узденъ] не имеет детей от своей законной жены, он приобретает их от одной из своих рабынь. Эти последние называются “тума”» [Адыги... 1974: 248, 427]. Они не имели прав, которыми обладали их именитые отцы. Тем не менее их статус был выше караузенского, но ниже сырмаузенского (см. ниже). На 1873 г. в Карачае данное сословие составляли 22 семьи с 37 душами мужского пола. При этом их в зависимости от происхождения именовали *ысхылты* (рожденный в браке от князя и узденки), *эсеккуэльтуд* (рожден-

ный вне брака от княгини и крестьянина), *тума* (рожденный вне брака от князя, чанка, дворянина и крестьянки).

Уздени. Высшие разряды карачаевских узденей были объединены общим именем *сыйлыёзденле* или *сыйлыёзденлер* (букв. потомственные, столбовые, почетные по происхождению уздени). Их статус, кроме того, определялся названием *сырмаёзденле* — белые уздени. Они были освобождены от общественных («государственных» в нашем понимании) повинностей, заседали в судах и расправах с правом решающего голоса, участвовали в избрании верховного правителя Карачая из представителей княжеских родов. В документах XIX в. отмечалось, что они же могли вынести не подлежащий пересмотру приговор представителю княжеского рода [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 102–119 об.].

Сыйлыуздени имели своих вассалов из числа *каракишей* — лично свободных общинников и *караузденей*.

В целом карачаево-балкарское общество «в сословном отношении разделяется на три главных разряда. К высшему сословию, пользовавшемуся [правами], подобными феодальным, принадлежат <...> князья и уздени первой степени; к среднему — уздени остальных двух степеней, свободные люди (азаты или вольноотпущенники), к низшему же все зависимые сословия. Эти последние состоят в крепостной зависимости у лиц первых двух разрядов» [Социально-экономическое... 1985: 115–129].

Уллу-уздени. «За сословием *бий*, — отмечали авторы XIX в., — следовали сословия *уллу-узденей*. Суд и расправа находились в руках биев и уллу-узденей, т.е. члены народного суда избирались только из этих сословий. <...> Карачаевский уллу-узденей имел то же значение, что тляхотлеж у кабардинцев. <...> Право владения пахотными и сенокосными землями и хуторскими участками сосредоточивалось в руках *биев* и *уллу-узденей*» [Кубанские... 1887: 2–3] (также см.: [ЦГИА Гр., ф. 13, оп. 3, д. 1777 (по оп. 154), л. 161]).

Они же подписывали от имени всего Карачая договоры с османской и российской администрациями [РГВИА, ф. 14719, оп. 3, д. 8, л. 1–3 об.; Архив Главного Министра (Башбакан)... 1104–44590-Е.].

Их представители выдавались в аманаты [ЦГИА Гр., ф. 13, оп. 3, д. 1777 (по оп. 154), л. 161].

Уллу-уздени заключали браки или внутри своего сословия, или с равными себе из узденей других народов. Их аталыками и эмчеками были лица из кара-узденских, каракишских и азатских семей.

Сарайма-уздени как «сословие <...> образовалось частью из <...> привлеченных славою или силою кого-либо из лиц высших сословий, которые оказывали защиту и помощь последовавшим за ними и признавшим их своими владельцами» [ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 650].

Их именовали хозаулукь-уллу-узденями — служилыми уллу-узденями. Князья «детей своих <...> не воспитывали дома, а отдавали их на воспитание или своим уллу-узденям, или в другие племена и преимущественно в Урусбий и Цебельду» [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 70, л. 36, 38–41, 44].

Реальные уллу-уздени были освобождены от несения общественных повинностей, включая воспитательство или аталычество.

Керти-уздени. Кертиузденская категория дворян составляла самую многочисленную часть знатных узденей. Из их числа российская администрация брала аманатов, некоторые из них имели офицерские чины, проходили службу в администрациях Российской империи, как, например, дворянин Абубекир Зекерьяевич Батчаев, занимавший должность пристава 2-го участка Новобаязетского уезда Ериванской губернии [НАА, ф. 94, оп. 2, д. 76, л. 6, 7–8 об.].

С удельными князьями они вступали в военно-ленные поземельные отношения сюзеренно-вассального характера [ГАКК, ф. 774, оп. 1, д. 512, л. 9–12].

Пожалованные в узденство кара-уздени делились на три разряда.

Тюз-уздени. Основная часть низших дворян, именуемых тюз-узденями, происходила из древних насельников, которые, потеряв по различным обстоятельствам свои права, стали узденями, которые в народе известны как *арыгъан керти-ѳзден* — «уставший

керти-узденъ». Тюз-узденей в Карачае было много. Они роднились внутри своего сословия. С тѣбен-узденями (см. ниже) и аза-тами (вольноотпущенниками) они не заключали браки.

Тѣгерек-уздени. Данная категория низшего дворянства была самой малочисленной группой кара-узденей. Их называли *тѣгерке къарагъан ѳзден* — 'узденъ, смотрящий вокруг', т.е. смотритель или *керти къара-ѳзден* — 'истинный кара-узденъ'. Поскольку правовой статус данной категории узденей заключался в выставлении «преимущественно <...> милиционеров, то сословие это можно сравнить с однодворцами или польской шляхтой» [ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 650].

Тѣбен-уздени. Низшее дворянство происходило «частью из освобожденных в давнее время на волю крестьян (азатов) как самих владельцев, так и узденей, которые потом за заслуги свои были обращены владельцами в узденей» [Там же].

Каракиши — почетные граждане Карачая и Балкарии с некоторыми привилегиями, равными низшим дворянам.

Каракиши, особая сословная группа лично свободных членов общества, несших повинности в пользу не только князей, чанков, но и, в большинстве случаев, узденей. В случае особого социально-экономического и духовного веса в обществе их, как и узденей, выдавали за аманатов Османской и Российской империям.

Древние вольноотпущенники и джасакчи. Их отличали от вольноотпущенных крестьян, причисляя также к каракишам. Некоторые тухумы данной социальной группы являлись древними насельниками Балкарии и Карачая и после завоевания были обращены в данников (*джасакъчы*).

Азат-кулы — это сословие образовалось «из выкупившихся или отпущенных на волю помещиками крестьян, а потому их можно сравнить с государственными крестьянами» [Там же].

При этом уточняется, из каких групп крепостных крестьян азаты образовались: «[Из] освобожденных на волю в разное время крестьян разных видов (чагаров, кулов [юльгюлю-кулов и джоллу-кулов], унаутов [къара-кулов])» [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 102–119 об.].

Крепостные крестьяне Балкарии и Карачая были трех категорий.

Чагар-кулы. К 1860-м годам чагары в Карачае и Балкарии составляли от 10 до 25 % населения. Они были переходной группой крестьян, имевших свои клочки земли, которыми они могли выкупить себе свободу [ЦГА РСФСР, ф. 262, ед. хр. 23, л. 55–86].

Юльгюлю-кулы. Эта категория крестьян имела «небольшие клочки земли [юльгю] под домами, но таких крестьян весьма немного» [ГАКК, ф. 574, оп. 1, ед. хр. 507, л. 36–37]. Они же продавались с калымом.

Джоллу-кулы считались «собственностью владельца и передаются по наследству, как всякое другое имущество. <...> [Им] <...> даны семейные права и отдельное домашнее хозяйство» [ЦГИА Гр., ф. 545, оп. 1, д. 86, л. 113–145].

Нижнее бесправное крестьянское сословие — къара-кулы или джолсуз-кулы, по замечанию авторов XIX в., из пленников [Там же] или пополнялись путем понижения статуса правных крестьян (джоллу-кулов). Женщин именовали *карауаш*, а мужчин — *казак-кул*.

Социальные группы

Хут и билитли. В первой половине XIX в. еще фиксировались такие традиционные управленцы карачаево-балкарскими обществами, как «кекхуд — староста, чауш — десятский» [Г-д: 57–103]. В реальности «кекхуды» (или *гекгихуты*), *кентхут-улу* или *кентхуты* (тюркско-персидск. — глава укрепленного поселения, города), являлись не старостами аулов, а помощниками головы селения — *ынкъыяхутов* (от арабо-персидск. — *нахи худ* — 'начальник'). Они следили за организацией подачи воды из каналов, строительством общественных дорог, обороной. К таковым относились также *къымгъек-хуты* или просто *хуты*, выполнявшие полицейские функции при судах и расправах.

«Билитли, — согласно документам 1796–1803 г., — имели достоинство бегов» [РГВИА, ф. 482, оп. 1, д. 192, л. 135–143], т.е. крупных владельцев, к которым в данном случае относили уллузденей.

Бегеулы являлись особой социальной группой, игравшей весьма существенную роль в жизни общества, которая кроме

прочего заключалась в посреднических услугах и укреплении власти верховного князя и удельных князей в обществе [РГВИА, ф. 14257, оп. 3, д. 435, л. 11–12 об.].

Кул-казаки — Хышты-кьуллукьчу, Тургьан-кьазакь, Чагьар-Кьазакь — находились «на особом положении <...> (очень древнего происхождения). Это были своего рода карачайские янычары. Они жили при биях в отдельных саклях: из них создавались бийские нукеры, охрана бия».

Духовенство. В Карачае и Балкарии до принятия ислама духовными делами «заведовал» жреческий институт, известный согласно этнографическим материалам как *табалтайла*. Наряду с этим существовал также институт шаманства — *кьымсала, хамджаула, ады-хамла, хама-хьрсала*.

Христианские институты (*кьарачаныкь*), судя по названию синода — *сынты* (из греч. *синодос*), служителей культа — *кьарт-бабас, шаугинах-бабас, саргинах-бабас, бабас* (от греч. *papas*), культовых сооружений (*клица, из греч. эклессийа*), названий дней недели и месяцев, культу святых, были широко представлены в Карачае и Балкарии.

С принятием ислама домусульманские культы и институты постепенно утратили свою силу или перешли в иные обрядово-культовые позиции, не влиявшие сколько-нибудь на новую религиозность и обрядовую практику.

Кадии и эфенди, мусульманские служители культа, были освобождены «от всяких повинностей» [ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 650.].

Тёре — Суд. В древние времена роль судьи выполняли князья, с течением времени начали формироваться судебные институты (тёре) [РГВИА, ф. 1300, оп. 7, д. 177-а, л. 82], которые были разделены на высшие (*уллу — тёре* или *эльджурт-тёре*), удельные (*эльтургьан-тёре* или *тургьан-тёре, гитче-тёре*) и сельские (*эль-тёре*). Существовали также корпоративные княжеские и узденские суды. С принятием ислама появились духовные суды *махкеме* [Малкондуев, Сабанчиев 1990; Хатуев 1999: 5–198].

В целом социальная стратификация показывает уровень развития государственности карачаево-балкарского народа, позволяет в связи с вновь выявленными материалами переосмыслить его

историческое прошлое, включая политико-правовую культуру, социально-экономические отношения.

Библиография

Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Отв. ред. В.К. Гарданов. Нальчик, 1974.

Азаматов К.Г. Социально-экономическое положение и обычное право балкарцев в первой половине XIX в. Нальчик, 1968.

Архив Главного Министра (Башбакаан). Османское отделение. Дефтеры, Повеления Османского Султана. No: 1104-44590-Е. 25 Reblü, l-âhir 1242, 26 ноября 1826 г.

Битова Е.Г. Социальное развитие Балкарии в XIX в. Сельская община. Нальчик, 1997.

Г-д. Поездка к южному отклову Эльбруса в 1848 г. // Библиотека для чтения. М., 1849. Т. 97.

Каракетов М.Д. Сословие чанков, тума-чанков и тумов в социальной структуре карачаево-балкарских обществ (конец XVIII — XIX в.) // Исторический вестник Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского научного центра РАН. Нальчик, 2005. Вып. 1.

Каракетов М.Д. Полемические заметки о правовом статусе некоторых сословий и сословных групп Карачая в XIX в. // Обычное право и правовой плюрализм на Кавказе в XIX — начале XX в. Карачаевск, 2009.

Кубанские областные ведомости. Екатеринодар, 1887.

Лавров Л.И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // Кавказский этнографический сборник. М., 1969. Вып. 4.

Малкондугев Х.Х., Сабанчиев Х.-М.А. Тёре как форма организации управления в средневековых Балкарии и Карачае // Современный быт и культура народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1990.

Невская В.П. Карачай в XIX в. // Ас-алан. М., 2002. № 1 (6).

Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии / Под ред. П.А. Щацкого, С.П. Щацкой. Ростов н/Д., 1985.

Студенецкая Е.Н. К вопросу о феодализме и рабстве в Карачае XIX в. // Советская этнография. 1937. № 2–3.

Тамбиев И. О родах и сословно-феодальных отношениях в дореволюционном Карачае и об их фальсификации // Революция и горец. 1931. № 12.

Тамбиев И. Рабство и феодализм в дореволюционном Карачае // Революция и горец. 1932. № 4 (42).

Хатуев Р.Т. Карачай и Балкария до второй половины XIX века (Власть и общество) // Карачаевцы и балкарцы. М., 1999.

Список сокращений

ГАКК — Государственный архив Краснодарского края

НАА — Национальный архив Армении

РГВИА — Российский Государственный военно-исторический архив

ЦГИА Гр. — Центральный государственный исторический архив Грузии

ЦГА РСО-А — Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания.

Ю.Ю. Карнов

ТРАДИЦИИ И СОВЕТИЗАЦИЯ (СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ, 1920-е годы)

Каждая новая власть устанавливает собственный порядок, как правило, навязывая его населению. Советская власть пропагандировала идеологию власти народа, однако бытовавшие ранее среди населения Северного Кавказа, как, впрочем, и других регионов страны, формы «народного быта» она принимать не желала.

У населения Северного Кавказа особую роль играла общинная система организации жизни. Данный регион в этом плане не исключительный. Конечно же, со своей спецификой, хотя еще реформами 1860-х годов на территории Российской империи была введена практически единообразная (по типу русской общины) система организации власти в сельской местности.

На большей части Северного Кавказа община называется джамаатом или джамиатом. Такое наименование восходит к традициям ислама, под ним подразумевается община верующих, объединенных вокруг мечети. Однако в северокавказской среде данное понятие воспринималось шире. К общинным институтам относился народный сход, на котором обсуждались и решались разнообразные вопросы повседневной жизни крестьян.

При новой власти эти функции должны были исполнять «советы». Соответственно систему надлежало в директивном порядке